

в соавторстве с Count Raven

Инцест

Три месяца в учебке, присяга и он на Северном Кавказе в роте разведки.

Здесь он подружился с Серёгой.

Как это нередко бывает, подружились два человека, абсолютно несхожие характерами: Олег — молчаливый, даже угрюмый и немногословный и Серёга — рубаха парень, балагур и весельчак. Их часто можно было увидеть вместе: Серёга что-то рассказывает, размахивая руками, то сядет, то встанет пройдётся и Олег, сидит, слушает и молча улыбается.

Война.

Неподготовленная к ужасам войны, неокрепшая психика пацанов не выдерживала: кто-то напивался до чёртиков и пороссячьего визга, кто-то, обкурившись, погружался в блаженный дурман, а кто-то молча сходил с ума, скрипя зубами и наливаясь злобой ко всем и вся.

Олег не пил, к наркоте не пристрастился, только копились в душе жестокость и злоба, не находя выхода даже в боях.

Взвод прочёсывал зелёнку в поисках схронов и напоролся на засаду. Лейтенант, понимая, что перестреляют всех за полчаса, принял решение прорываться. Прорвались трое и, уходя от преследования, отстреливаясь, подорвались на растяжке.

Олег лежал. Высоко в небе парил коршун. Они приближались, переговариваясь.

Короткая очередь, другая и в него уставился черный глаз автомата в руке бородача.

В следующее мгновение, бородач, прошитый очередью, валится на землю рядом с ним.

Боевики отступают, отстреливаясь. Спецназ подоспел.

Погиб Серёга, погиб лейтенант, погиб взвод. Олега, тяжело раненого, но живого, вынесли и отправили в госпиталь.

...

Ужас войны вошёл и в её жизнь. Она прислушивалась к шагам на лестнице, с замиранием сердца входила в подъезд и обмирая от страха приближалась к почтовому ящику. Но писем не было. Смотрела новости, но как только начинались сводки оттуда, выключала телевизор и падала в подушку. Так и засыпала. Звонила в военкомат и дежурный всегда отвечал одно и то же: ваш сын проходит службу на Северном Кавказе, с ним всё в порядке. Немного отвлекалась на работе, заменяя и подменяя работниц, лишь бы только не сидеть в квартире, одной, в ожидании.

Был как раз тот день, в мае, никого не надо было подменять, и она была дома. Зазвонил телефон. Она долго не брала трубку, надеясь, что звонок оборвётся. Но звонок повторялся и повторялся, и повторялся, и она взяла трубку — Алло

— Алло, Ирина Алексеевна?

— Да

— Свиридова?

— Да

— Дежурный, лейтенант Акимов, я по поводу вашего сына

Она медленно оседала на пол — Что с ним?

— Сейчас уже всё нормально, он был ранен, тяжело, но сейчас пошёл на поправку. Алло, вы

слышите?

— Да, да, где он?

— В Ростовском госпитале. Его демобилизовали по ранению, вы можете приехать и забрать сына домой. В госпитале вам в помощь дадут двух санитаров, для доставки сына домой. Расходы на проезд оплатит Министерство Обороны. Можете оформить билеты через военкомат, но это будет долго, либо можете купить билеты и потом прийти с ними в военкомат.

...

Всё было как в тумане. Поездка в Ростов. Поездка назад. Она была благодарна двум мальчишкам, санитарам; без них, не смогла бы справиться.

Но всё позади и сын, хоть и в бинтах, но в сознании и дома.

Перед нею не стояла проблема, как обращаться с сыном; вызывать медсестру или сиделку, нет, она сразу решила, всё будет делать сама: ходить за ним, менять бинты и обрабатывать раны, мыть его.

Она оформила очередной отпуск и с отгулами вышло 36 дней.

Первую неделю было сложно с туалетом: пописать было просто, она помогала ему сесть и держала ковшик, поддерживая и направляя член, чтобы не разбрызгивалась моча. Он сам ей сказал, что нужно оттягивать крайнюю плоть и тогда струя мочи не будет разбрызгиваться. Чтобы покакать, она помогала ему встать на колени и ставила тазик между ног.

Ей не было противно, ей не было стыдно: — С какой стати — говорила она, сама себе — я обихаживала сына, когда он был грудным и беспомощным, ну и что с того, что он вырос? Для матери, её сын остаётся ребёнком, даже если у него есть внуки.

Первый раз она мыла его прямо в кровати: протирала полотенцем, смачивая в горячей воде из тазика.

Второй раз помыла уже в ванне под душем: Олег сидел в ванне, а Ира намыливала его и поливала из лейки.

На второй неделе она, придя из магазина, сказала: — Встретила твою учительницу, классную вашу в десятом. Спрашивала про тебя — Ира помолчала и добавила — прощения просила, я правда так и не поняла за что?

На лицо Олега набежала тень, но он быстро справился с собой — Мне тоже непонятно, за что. — Ну и ладно. Я взяла вина, когда сможешь ходить самостоятельно, мы выпьем с тобой за твоё возвращение и выздоровление. Пойду ужин приготовлю.

Ночью Олег лежал без сна: одни воспоминания вытеснялись другими и, сам не заметив, как, он стал поглаживать член, перед внутренним взором встала учителька и он стал дробить, представляя её. Он задышал, когда изливалась сперма.

Ира спала, но прерывистое дыхание Олега слышала, встала и, не включая свет, подошла к кровати сына.

Он изливал, закрыв от наслаждения глаза, а она, увидев, как брызжет сперма, подумала: «Надо будет постирать постельное завтра».

В это мгновение он увидел её, дёрнулся, пытаясь подтянуть одеяло, но передумал.

Накопившаяся злость там, здесь трансформировалась в похоть, истекая спермой, а подсознание, извращённая вещь в себе, подсунуло образ другой женщины, другой Иры.

Та была где-то там — эта была рядом. Та была большая — эта маленькая, но, по сравнению с красотой этой, та выглядела дурнушкой.

— Принеси полотенце

Она принесла полотенце и стала вытирать, обтирая член и промокая простынь. Она была в ночнушке, Олег лежал голый.

— Ты же целовала меня, когда я был маленький, целовала везде..

— Да

— Ну, поцелуй

Ира наклонилась к его лицу

— Нет, я имел ввиду там и там — он взял её руку и коснулся ею члена и ягодиц

— Олег — она потянула руку, но он удержал

— Ира, поцелуй, я хочу, чтобы ты поцеловала

Ира застыла, не вполне понимая, что происходит. Нет — она не испугалась и даже и не видела ничего предосудительного или постыдного в его просьбе. Но всё было неожиданно и сделать это, подчинившись просьбе сына, мешал какой-то барьер внутри, препятствие или запрет, или табу, через которое нужно было перешагнуть.

— Ира, целуй, я скажу за что она — его голос дрогнул — просила прощения. Я, тогда, из-за неё... — он не смог договорить, горло перехватил спазм, как будто на шее затягивалась петля

Перед её глазами, словно кадры киноплёнки, замелькали сцены того ужасного дня, холодный ужас заползал в душу, она наклонилась и, поддерживая пальчиками член сына, чмокнула в головку.

30.07.15